

УДК 821.512.157Ойунский.06
DOI 10.25587/SVFU.2019.14.32182

А. А. Бурцев

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ФЕНОМЕН П. А. ОЙУНСКОГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена ростом интереса к личности и творческому наследию П. А. Ойунского в современную эпоху. Тем более что в изучении его творчества остаются нерешенные вопросы. В частности, не учитывается его эволюция как мыслителя и художника слова, что приводит к идеологизированному подходу к нему только как пламенному борцу и «буревестнику» революции. Ранний П. А. Ойунский представлял собой тип ангажированного художника. Его поэзия была неразрывно связана с общественно-политической деятельностью. Устанавливая советскую власть в Якутии, участвуя в гражданской войне, создавая «Песню свободы» и «Завещание орла», он совершенно искренне верил в то, что служил идеалам социальной справедливости и интернационализма. Но ему были чужды индивидуалистические настроения, идеи вождизма и трибунства. В ранних стихотворениях поэт оперировал понятиями «народ», «труженики», «бедный люд», его лирический герой носил собирательный, обобщенный характер. В произведениях позднего П. А. Ойунского, например, повести «Кудангса Великий» и рассказе «Александр Македонский», явственно проступают оппозиционные идеи по отношению к тоталитарному режиму.

Далее, сохраняется устаревшая традиция замкнутого изучения его наследия в рамках лишь якутской литературы. Поэтому целью нашей работы является рассмотрение произведений П. А. Ойунского на широком фоне мировой литературы. Воссозданный им монументальный эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» имеет типологические схождения не только с эпическими поэмами тюркских народов, но и с такими памятниками, как кельтские саги или древнескандинавская «Старшая Эдда». А в драматической поэме «Красный шаман» и повести-предании «Кудангса Великий» ощущаются традиции трагедий В. Шекспира «Гамлет» и «Макбет». Кроме того, П. А. Ойунский является одним из создателей якутской школы художественного перевода. Все эти обстоятельства подтверждают закономерность постановки проблемы «П. А. Ойунский и мировая литература».

Ключевые слова: мировая литература, олонхо, фольклор, оппозиционные идеи, типологические параллели и схождения, традиция и новаторство, «встречные течения», литературное «койне», якутская школа художественного перевода, современный «синкретизм».

А. А. Burtsev

Phenomenon of P. A. Oyunsky in the context of World Literature

Abstract. The topicality of problem caused by the increased interest in the person and creative legacy of P. A. Oyunsky in the modern time. The study of his works contains open questions. In particular, his evolution as a thinker and writer is often forgotten, which leads to an ideological approach to him as merely an ardent fighter and “messenger” of the revolution. Early Oyunsky represented the “agenda-driven” type of a writer. His poetry was connected with social and political activity. Establishing Soviet power in Yakutia, taking part in civil war, creating *The Song of Freedom* and *The Eagle's Will*, he truly believed in ideals of social justice and internationalism. Meanwhile, he avoided individualism, ideas of autocracy and tribune. In his early works, there were concepts of “people”, “workers”, “poor people”, his lyrical hero had collective, generalized character. There are ideas of opposition towards totalitarianism in P. Oyunsky's later works *Kudangsa, the Great* and *Alexander, the Great*.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., проф., каф. русской и зарубежной литературы Филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoly Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Prof., Chair of Russian and foreign literature, Philology Faculty, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

Another thing is there remains an obsolete tradition to limit the studies of his heritage within Yakut literature only. So far, the aim of our article is to study P. Oyunsky's works against the wider background of world literature. Re-created by him monumental epic olonkho *Nurgun Bootur, the Swift* has typological similarities not only with epic poems of the Turk people, but also with such ancient manuscripts as Celtic sagas or Skandinavian *Elder Edda*. At the dramatic poem *Red Shaman* and the legend story *Kudangsa, the Great* traditions of Shakespeare's tragedies *Hamlet* and *Macbeth* are felt. Besides, P. Oyunsky is one of founders of Yakut school of literary translation. All these arguments confirm the relevance of the topic "P. Oyunsky and world literature".

Keywords: world literature, opposition idea, olonkho, folklore, typological parallels and similarities, tradition and innovation, "counter trends", literary "koine", Yakut school of the literary translation, contemporary "syncretism".

Введение

Проблема, обозначенная в названии статьи, была поставлена еще в 1993 г. в связи со 100-летним юбилеем П. А. Ойунского [1]. Затем более развернуто она была обоснована в работе, изданной в 2013 г. [2].

Какие основания послужили для рассмотрения творческого наследия Платона Алексеевича Ойунского в контексте мировой литературы?

Хотя на фоне общей переориентации общественной мысли и массового сознания интерес к личности и творчеству П. А. Ойунского постоянно растет, в изучении его наследия остаются нерешенные проблемы. Необходимо преодолеть традицию изолированного рассмотрения творчества П. А. Ойунского только в рамках национальной литературы и попытаться раскрыть истинный масштаб и размах его творческой деятельности, определить роль и значение его художественного наследия в контексте русской и мировой литературы.

Эволюция П. А. Ойунского

Сегодня пора окончательно отказаться от определений П. А. Ойунского как «зачинателя социалистического реализма» и «основоположника якутской советской литературы». Подобные рецидивы идеологизированного подхода к нему как «буревестнику» революции и поэту-трибуну объясняются тем, что не учитывается его эволюция как мыслителя и поэта. Действительно, ранний П. А. Ойунский представлял собой тип ангажированного художника. Его поэзия была неразрывно связана с общественно-политической деятельностью. Устанавливая советскую власть в Якутии, участвуя в гражданской войне, создавая «Песню свободы» и «Завещание орла», он совершенно искренне верил в то, что служил идеалам социальной справедливости и интернационализма. Будучи членом Российской Коммунистической партии с 1918 г., П. А. Ойунский выражал в своих художественных произведениях широкие демократические убеждения и чувства. Ему были чужды индивидуалистические настроения, идеи вождизма и трибуна. В ранних стихотворениях поэт оперировал понятиями «народ», «труженики», «бедный люд», его лирический герой носил собирательный, обобщенный характер.

Перелом в мироощущении П. А. Ойунского происходит после поэтической драмы «Красный шаман» (1925). В его лирику входит устойчивый мотив прощания, образ роковой судьбы. Идея трагической верности избранному пути («Не все ль равно?!»), печаль утраты близкого человека («Другу Феклуше») переходят в психологически углубленное раскрытие беспокойной души лирического героя, предчувствующей и предсказывающей свою сложную судьбу. В произведениях позднего П. А. Ойунского уже явственно проступают оппозиционные идеи. В рассказе «Александр Македонский» на историческом материале рассматриваются проблемы власти и славы, роли личности в истории, проникнутые актуальнейшим смыслом. Рассказ был написан в 1935 г., когда сложные процессы происходили как на международной арене, так и внутри страны. В Европе поднимал голову фашизм, у нас утверждался культ личности и начались репрессии. В этих условиях якутский писатель недвусмысленно осудил тиранию и жестокость. Его герой, покоривший многие страны и народы, приходит к осознанию эфемерности славы великого завоевателя и создателя мировой империи. Он сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок». Причем негативная оценка авторитарного режима была вынесена П. А. Ойунским синхронно с первыми опытами порицания тоталитаризма в зарубежной литературе – романами Г. Манна «Верноподданный», А. Кёстлера «Слепящая тьма», Д. Оруэлла

«1984». В другом рассказе «Соломон Мудрый» П. А. Ойунский использовал библейскую образность для проповеди радости жизни, земного счастья и любви, что тоже косвенно свидетельствовало об его оппозиции антидемократическому, античеловеческому режиму.

П. А. Ойунский о литературе и фольклоре

П. А. Ойунский высоко оценивал силу поэтического слова, его воздействие на человека. Эта мысль красной нитью проходит через все его критические работы и художественные произведения. В прощальном слове о А. Е. Кулаковском он призывал следовать его завету – «пламенным словом» служить родному народу. В процессе работы над «Красным шаманом», по его собственному признанию, он «по-настоящему узнал волшебную силу слова, почувствовал его захватывающий дух»; по его мнению, «нельзя бояться быть охваченным творческой страстью, её чарующего, охватывающего тебя полностью действия» [3, с. 108].

При всей приверженности принципам партийности и идейности искусства в своих статьях и выступлениях П. А. Ойунский был близок к тому, чтобы ставить творческое, художественное начало вне политической практики. Так, в статье «Несколько слов об Абагинском» он специально выделил категорию таланта и призвал своих молодых собратьев по перу изучать классическую литературу, прежде всего её художественную форму [3, с. 105]. В статье «Спекулянты от литературы», посвященной полемике со сторонниками прямолинейного, вульгарно-социологического восприятия поэтической драмы «Красный шаман», П. А. Ойунский снова подчеркнул особую значимость и ответственность таланта [3, с. 108].

Ему принадлежат основополагающие, концептуальные суждения о путях развития якутской литературы. Одна из главных его идей, в наиболее целостной форме высказанная в докладе «Значение 100-летнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина и наши задачи», заключалась в необходимости овладения «всем культурным наследством прошлых эпох, великими творениями гениев человечества», к числу которых он отнес Шекспира и Пушкина, Гете и Байрона, Горького и Толстого, Роллана и Барбюса [3, с. 79-80]. П. А. Ойунский с восхищением говорил о многогранности пушкинского дарования. По его выражению, Пушкин был «создателем русского литературного языка и родоначальником новой русской литературы» [3, с. 71]. Сам он тоже был синтетической, универсальной фигурой и обладал разносторонним талантом. Это не только один из основоположников якутской литературы, но и первый якутский ученый-филолог широкого профиля, составитель русско-якутского орфографического словаря, основатель Института языка и культуры.

П. А. Ойунский был не только блестящим знатоком устного народного творчества и талантливым олонхосутом, но и исследователем якутского фольклора. Его работа «Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание» [3, с. 128-194], написанная еще в 1927 г., представляла первый опыт комплексного рассмотрения олонхо, т. е. носила приоритетный характер и заложила основы его научного изучения. В 1935 г. в Институте национальностей при ЦИК СССР П. А. Ойунский защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата лингвистических наук.

Согласно его концепции, «подлинную историю народа нельзя знать, не зная устного народного творчества» [3, с. 79]. П. А. Ойунский воспринимал и интерпретировал якутский героический эпос олонхо на уровне признанных эпических памятников народов мира, постоянно соотносил эпические песни якутов о богатырях с поэмами Гомера, Фирдоуси, Руставели и тем самым впервые ввел олонхо в мировой культурный контекст.

Фольклорные традиции, сюжеты и мотивы сыграли важнейшую роль в художественном творчестве П. А. Ойунского. Его самые значительные произведения – поэтические драмы «Красный шаман» и «Туйаарыма Куо», эпическая поэма «Нюргун Боотур Стремительный» и повесть-предание «Кудангса Великий» – так или иначе связаны с якутской мифологией, с сюжетикой и поэтикой олонхо.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского в контексте эпической поэзии народов мира

Среди них, в свою очередь, особняком стоит воссозданный П. А. Ойунским монументальный эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», вполне соизмеримый с такими памятниками мировой литературы, как эпические поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Речь идет не только о том, что «Нюргун Боотур

Стремительный» стал сегодня достоянием мирового читателя, но и о фактах типологических схождений между якутским олонхо и ранними формами эпоса народов мира, подтверждающих идею целостности мировой культуры. В частности, ученые – как российские (М. П. Алексеев, Е. М. Мелетинский), так и якутские (И. В. Пухов, Н. В. Емельянов, Е. С. Сидоров и др.) – обнаружили ряд параллелей не только между олонхо и эпическими поэмами тюркских народов, но и, к примеру, с такими памятниками, как древнескандинавская «Старшая Эдда» или кельтские саги [4, с. 61]. Это схожее дуальное «устройство» эпического мира в «Эдде» и «Нюргун Боотуре», отражающее полярность ценностей и идеалов в мифологическом эпосе. В эддических песнях и якутских богатырских поэмах обязательно присутствует «свой» и «чужой» мир: с одной стороны, это добрые *асы* и злые великаны-*этуны* («Эдда»), с другой – светлые *айыы*, обитающие в Среднем мире, и представляющие Нижний мир демоны – *абаасы*. Отдельные песни «Старшей Эдды» и олонхо («Нюргун Боотур Стремительный») содержат обширные этиологические зачины, повествующие о «ранних» временах. Эти эпические прологи изображают во многом идентичный пространственно-временной ареал: картину «первотворения», своеобразный «вертикальный» разрез мироздания, благословенную «среднюю землю», осененную могучим деревом изобилия (Аар Лууп – в олонхо, ясьень Иггдрасиль – в песнях «Эдды»). В якутских олонхо мировое дерево проливает «белую благодать», образующую молочные озера, в скандинавской мифологии у его корней бьют целебные родники, а с листьев капает живительная влага. Якутское божество Улуу Тойон, живущее у верхушки дерева Аар Лууп, весьма напоминает скандинавского Одина, так же как белые шаманки, вестницы богов *айыы*, поразительно напоминают валькирий из «Старшей Эдды» [5, с. 217].

Олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» присущи такие классические черты, определяющие «этикет» архаических фольклорных памятников, как параллелизмы, повторы, постоянные эпитеты, формулы и т. д. В кельтских сагах, как и в якутских олонхо, встречается прием ситуативного портрета, когда эпический герой Кухулин в двух случаях изменял свой лик. В глазах женщин он приобретал на голове три венца: из русых, золотых и красных волос. В глазах врагов, на поле брани, один его глаз так глубоко уходил в голову, что даже журавль не достал бы его своим длинным клювом, а другой выкатывался наружу, огромный, как котел, в котором можно было сварить целого теленка. Т. е. идеал древней красоты подразумевал прекрасное тогда, когда герой приходил в боевой раж и ярость. Враги при виде преображенного Кухулина моментально разбежались, а друзья, которые глядели на него, восхищенные его прелестью, кривели на один глаз, стараясь быть на него похожими.

Так же гиперболически изображался герой в олонхо. Правда, Нюргун Боотур особенно не кокетничал перед древними дамами, у него, видимо, был иной менталитет, более сдержанный, северный. Но тем не менее перед боем у него:

Киирэр хаана киирэн
Киил мас курдук
Кинэччи таттаран барда,
Үллэр өһөбө үллэн
Үрүт өттүнэн
Буор хайа саҕа
Буксайа үллэн таҕыста, <...>
Хараҕыттан-хааһыттан
Хатаг уота саккыраата,
Сирэйитгэн-ньууруттан
Сизэрэ уота сирдыгинээтэ,
Унуо хараҕа уоһун диэки
Умсары татта,
Ханҕа хараҕа хааһын диэки
Ханньары татта, <...>
Тарбаҕын тыаһа лачыгыраата,
Табык охсубут курдук буолла [6, с. 119].

Распрямились плечи <...>
В шесть маховых сажений,
Вспучился загривок его,
Будто земляная гора <...>.
Вихрем из глаз его
Сыпались искры огня <...>,
Перекошилось его лицо,
Исказилось его лицо,
Правый глаз оттянулся вниз,
Левый глаз
Поднялся под бровь <...>,
Волосы <...> дыбом встали,
Суставы пальцев
Загрещали, как боевой барабан... [7, с. 192].

В олонхо присутствует образ богатырской девы, распространенный в эпической поэзии ряда народов: в «Нюргуне Боотуре», как, например, в немецкой «Песни о Нибелунгах», содержится мотив «героического сватовства». Кроме того, в олонхо, которые относятся к числу архаических памятников, составляющих «раннюю ступень» в истории эпоса, представлен мифологизированный образ чудесного кузнеца. П. А. Ойунский ввел фигуру Кудай Бахсы и в повесть-предание «Кудангса Великий». Сказания о волшебных кузнецах восходят к начальной стадии развития обработки металлов, когда кузнечное дело особенно ценилось и почти граничило с магией и колдовством.

С точки зрения идейного содержания в олонхо гармонически сочетаются национальные и общечеловеческие идеалы. С одной стороны, в них провозглашается идея планетарного единства обитателей «срединного мира», их согласия, терпимости, толерантности. Кроме того, актуальной является идея гармонического бытия людей с окружающей природой. С другой стороны, сквозной мотив олонхо – взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени *айыы*, их стремление к мирной созидательной жизни, защита рода от поползновений *абаасы*, злых демонов Нижнего мира. Эти идеи перекликаются с общим пафосом литературного «койне» тюркских народов – «Надписей в честь Кюль-тегина», в которых речь шла о страстном призыве к князьям-каганам жить в мире, избегать кровавых битв, разрешать конфликты мирным путем. Здесь также обнаруживается идейное родство якутских олонхо с памятниками древнерусской словесности, в частности со «Словом о полку Игореве», тоже содержащем призыв к собиранию земель и народов в единый союз.

Традиции В. Шекспира в творчестве П. А. Ойунского

Наряду с могучей стихией устной народной поэзии, важнейшую роль в творчестве П. А. Ойунского сыграли традиции мировой литературы. В частности, создавая драматическую поэму «Красный шаман» и повесть-предание «Кудангса Великий», якутский поэт опирался на шекспировские трагедии «Гамлет» и «Макбет» [8, с. 19].

Сходство идейного содержания произведений Шекспира и Ойунского обусловлено прежде всего сложным переломным характером исторических эпох, получивших воплощение в их творчестве. В трагедиях Шекспира отразился кризис гуманистических идей европейского Возрождения, в «Красном шамане» и «Кудангсе Великом» в условной, иносказательной форме нашли отражение сложнейшие процессы, происходившие в России и Якутии в первые десятилетия XX столетия. Типологическая общность произведений Шекспира и Ойунского во многом определялась их источниками. В основе трагедий Шекспира лежали легенда о принце Амлете, записанная датским историком Саксоном Грамматиком, и «Исторические хроники» английского летописца Рафаэля Холиншеда. П. А. Ойунский использовал легенду о борьбе шамана Добуна со знаменитым родом Оросиных и предание о Кудангсе Великом. Представляя разные исторические эпохи и разные национальные литературы, Шекспир и Ойунский, тем не менее, обнаруживают удивительную общность взглядов по отношению к фольклору, воспринимая его, прежде всего, как неиссякаемый источник непреходящих духовных ценностей, вечной народной мудрости, сохраняющей свое значение во все времена.

Композиция драматической поэмы П. А. Ойунского «Красный шаман» и представленная в ней система образов обнаруживают значительные аналогии со структурой и характерологией трагедии Шекспира «Гамлет». В центре обоих произведений находится судьба крупного героя, на втором плане – персонажи, находящиеся с ним в сложных отношениях дружбы и вражды, на третьем – второстепенные участники действия, косвенно вовлеченные в основной конфликт. Драматическая поэма П. А. Ойунского не только полностью соответствует классической эстетике европейской драмы, но даже ближе к ней, чем шекспировская трагедия. Если иметь в виду традиционное деление драмы на пять частей в соответствии с принципом «пирамиды» немецкого писателя Густава Фрайтага (завязка, повышение действия, кульминация, понижение и развязка) [9, с. 115], то в «Гамлете» обнаруживаются некоторые отступления от канона, а «Красный шаман» содержит все пять стадий развития драматического действия.

Общие черты присущи также главным героям этих произведений, претерпевающим сложную духовную эволюцию. Гамлет в начале трагедии, потрясенный открывшимся ему «морем зла», задумывается над тем, стоит ли жить. Но герой Шекспира, мыслитель и гуманист, считает себя обязанным «вправить вывихнутый сустав века»:

Век расшатался – и скверней всего,
 Что я рожден восстановить его! [10, с. 360].

В начале поэмы П. А. Ойунского Красный шаман размышляет о своем предназначении, о роковой судьбе. Сначала он по-гамлетовски сомневается в том, что сможет ли:

Открыть глаза угнетенным,
 Незрячих заставить прозреть,
 Зажечь в сердцах свободы пламя?.. [11].

Но потом он выражает веру в предсказанный ему свыше жизненный путь, принимает возложенную на него миссию («искоренить все зло на обездоленной этой земле») и стремится к тому, чтобы его заклинания прозвучали «добрым набатом»:

На изначальный мир родной
 Вещим словом всемогущим,
 Молением горячим своим
 Белую благодать изолью... [11].

Т. е. объективный смысл произведения П. А. Ойунского выходит за рамки идеологических представлений и переходит в категорию общечеловеческих понятий.

Однако при общем сходстве эволюции героев Шекспира и Ойунского прослеживается различие в авторских трактовках: трагедия Гамлета первоначально обусловлена личными обстоятельствами, к осознанию им мира как «сада, поросшего сорняками» приводит целая череда событий. Красный шаман изначально находится в состоянии душевного кризиса и конфликта с окружающей действительностью, что делает его трагедию особенно глубокой и фундаментальной.

Значительные сходства также обнаруживает трагическая эволюция главных героев трагедии В. Шекспира «Макбет» и повести-предания П. А. Ойунского «Кудангса Великий». И в том, и в другом произведении раскрывается история величественного взлета и фатального низвержения выдающихся правителей. Общим местом в трагедии Шекспира и повести Ойунского является вопрос о пагубных последствиях, к которым приводит возвеличивание одного человека, пусть даже этот человек – личность исключительная, как шотландский тан Макбет и правитель якутов Кудангса Великий.

Личность Кудангсы Великого поражает своей сложностью и противоречивостью. С одной стороны, он, опираясь на свой многочисленный род и несметное богатство, возомнил, что «предназначен быть главой всех саха», и «потому соседи дальние и ближние, даже богатые роды, все как один были напуганы, изумлены чрезвычайно, боялись переступить, перейти ненароком дорогу Кудангсе Великому – стоило ему поднять глаза, они опускали взгляд долу, никто не смел слова перечить, так и жили» [12, с. 55]. Но, с другой стороны, в нём присутствует прометеевское, тираноборческое начало; он заставляет шамана Чачыгыр Таас разрубить звезду Чолбон и тем самым спасает народ от гибели. Когда нагрянула новая беда – вспыхнула эпидемия, Кудангса снова прибегнул к крайней мере: решив породниться с небожителями, погубил лучших людей своего рода, в т. ч. собственных детей. В результате народ проклял его, и он влачил жалкое существование до тех пор, пока не умолил все того же шамана Чачыгыр Таас достать ему выкованный мифическим кузнецом Кытай Бахсы «волшебный острый меч-кылыс, который сам рубил бы, одержимый сверхъестественной силой». И от этого «кровожадного, сверкающего огнем» меча он сам погибает. Поистине, кто с мечом придет, от меча и погибнет. Иными словами, объективный смысл повести П. А. Ойунского, участника революции, ставшего свидетелем братоубийственной гражданской войны и позднее погибшего в результате репрессий, выходит за рамки его собственных политических взглядов и заключается в осуждении «большевизма» и тоталитаризма. Такой вывод соответствует пафосу русской классической литературы, в частности, близок к герценовской идее обреченности любой революции, прибегнувшей к насилию и призвавшей «к топору». В данном случае, если воспользоваться словами немецкого поэта Г. Гейне, перо гения оказалось сильнее самого гения, т. е. П. А. Ойунский как писатель оказался выше себя самого как идеолога.

В образе Кудангсы Великого присутствует также донкихотовское начало в том смысле, что он боролся со злом неверным способом, как это делал герой Сервантеса, рыцарь Печального образа. Его цель, а именно защита «родного племени-народа», сама по себе прекрасна и

благородна, но результатом его усилий стали распри и вражда между людьми, «непримиримый спор-раздор меж рабом и господином, меж бедным и богатым, меж прошлым и настоящим» [12, с. 91]. Неслучайно три великих мастера, изготовившие грозное оружие, «превратили его в пепел», «разбросали-развевали по родной земле» и произнесли заклинание: «Да не появится впредь подобный Кудангсе Великому! Да не родится имеющий дерзкий язык, горячую душу, подобно ему пытающийся изменить великие законы, ставшие тремя крепчайшими запорами, на которых сотворены и держатся все три мира!» [12, с. 91].

Наконец, Кудангса Великий, фигура во всех отношениях трагическая, приобретает черты экзистенциального героя, обреченного на фатальное одиночество. Не случайно, по велению Юрюнг Аар Тойона «грозное небо низвергло девять великих огненных смерчей на вихревых крыльях, все три дня и три ночи тело Кудангсы Великого крутили, мололи нещадно» и «разбросали-развевали по родной земле, по всему миру прах его» [12, с. 91]. В авторском примечании указано, что «неприкаянная плоть Кудангсы Великого, превратившись в кровожадный дух Илбис, бродит, одержимая сверхъестественной силой» [12, с. 50].

Идейно-философское содержание произведений В. Шекспира и П. А. Ойунского не ограничивается описанием судьбы и трагедии главных героев. Не менее важное место в них занимает функционирование целой системы мотивов, дополняющих основной сюжет. Для произведений Шекспира и Ойунского характерны классические мотивы, имеющие длительную традицию в фольклоре и литературе. В частности, в трагедии «Гамлет» и драматической поэме «Красный шаман» отправной точкой конфликта становится мотив мести, который в дальнейшем приобретает усложненный, комплексный характер и возводит центральный конфликт на более высокий уровень: личная задача мести главных героев в обоих произведениях в определенный момент переходит в борьбу с вселенским злом. Ведущим мотивом в трагедии «Макбет» и повести-предании «Кудангса Великий» становится мотив зла, персонифицированный как в фигурах главных героев, так и в образах демонических существ, присутствующих в художественном мире обоих произведений.

Методологическими ориентирами для интерпретации проблемы «Шекспир и Ойунский» служат теория выдающегося русского ученого-компаративиста А. Н. Веселовского о «встречных течениях», как необходимого условия для возникновения связей между литературами [13, с. 42], а также теоретическое положение его последователя В. М. Жирмунского о том, что влияние не ограничивается односторонним пассивным усвоением, но приводит к творческой переработке, в результате которого возникает совершенно новое оригинальное произведение [14, с. 75].

Творческий метод П. А. Ойунского

Генетическая связь с устным народным творчеством обусловила характерную для П. А. Ойунского обобщенность художественного мышления. В своих программных произведениях – философской драме «Красный шаман» и повести-предании «Кудангса Великий» – якутский поэт попытался в поэтической форме осмыслить современную ему эпоху вселенских катаклизмов, объять национальное бытие в целом и включить его в «макрокосм» истории. Это привело его, как и А. Е. Кулаковского, автора поэмы-концепции «Сон шамана», не просто к сложному синтезу национальных и общечеловеческих проблем, но и к некоей новой эстетической структуре, а именно к принципу «космовидения» (Г. А. Белая), позволившему соединить локальное и универсальное в новое художественное единство. Таким образом, в плане художественном якутская литература в лице А. Е. Кулаковского и П. А. Ойунского предвосхитила опыт ряда молодых литератур стран Латинской Америки и Африки, а в плане философском поднялась на новый, «гносферный» уровень понимания бытия человека и человечества, характерный для развитых литератур Запада.

Идейно-эстетическое своеобразие искусства П. А. Ойунского заключается не только в глубинной связи с фольклором, в использовании многогранных образов-символов и условных форм, но и в специфическом синтезирующем характере его творческого метода, типологически близкого к методу ряда русских и зарубежных писателей XX в. В его творчестве находит реальное подтверждение современная концепция «паритетности» и «взаимодополнительности» реализма и романтизма, поэтому целесообразно говорить о естественном синкретизме творческого метода автора «Красного шамана» и «Кудангсы Великого».

О переводах П. А. Ойунского из зарубежной литературы

П. А. Ойунский явился создателем якутской школы художественного перевода. Именно он первым начал перекачивать по «капиллярам» переводов в якутскую литературу «здоровую кровь» из мировой литературы. Причем первым произведением зарубежной литературы, переведенным на якутский язык, был «Интернационал», написанный в 1871 г. поэтом Парижской Коммуны Э. Потье. На рукописи перевода «Интернационала» стоит дата 7 декабря 1921 г. Но текст песни на якутском языке, напечатанный в газете «Ленский коммунар» 15 декабря 1921 г., стал известен еще до опубликования. Он получил широкий общественный резонанс, исполнением гимна сопровождалось собрания и митинги трудящихся. Очевидно, перевод был сделан с русского текста «Интернационала», принадлежавшего поэту-революционеру А. Коцу.

П. А. Ойунский как переводчик зарубежной литературы тяготел к поэтическим жанрам. Вполне логичным выглядит обращение автора таких стихотворений, как «Песня свободы» и «Власть – Советам!», к творчеству Ш. Петефи. Его стихотворение «Королей на виселицу» привлекло П. А. Ойунского своим тираноборческим пафосом и возвышенным образом поднявшегося на борьбу народа. В переводе сохранена ритмическая организация оригинала: семь десятистиший-децим опоясаны в высшей степени лаконичным рефреном, звучащим как боевой призыв и напоминающим суровую формулу «Марсельезы».

В 1924 г., будучи на Кавказе, П. А. Ойунский перевел на якутский язык монолог Маргариты из первой части «Фауста». Песня «Что случилось со мною», которую поет героиня Гете, относится к замечательным образцам лирики в немецкой литературе. Любовь в сознании Маргариты оказывается тесно связанной с мыслью о смерти. Какое-то смутное предчувствие заставляет её думать одновременно о любви и о смерти. Перевод из Гете, по-видимому, был навеян образом покойной жены поэта. Не случайно, П. А. Ойунский назвал его «Горечь утраты».

Заключение

Таким образом, рассмотренные произведения П. А. Ойунского – поэтическая драма «Красный Шаман», авторское олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», повесть-предание «Кудангса Великий» – как истинно великие творения, открываются новыми гранями в новых исторических условиях.

В результате сравнительно-типологического анализа произведений В. Шекспира и П. А. Ойунского обнаруживаются схождения и аналогии на самых разных уровнях их идейно-художественного содержания: от проблематики и характерологии до использования средств поэтики. Это подтверждает факт соприкосновения якутского писателя с мировой литературной традицией, в частности обращение к творческому наследию Шекспира, которого он называл первым в числе тех авторов, достижениями и опытом которых необходимо овладеть для развития якутской национальной литературы.

Чешский писатель Я. Неруда назвал Ш. Петефи «алмазной застежкой, которая скрепила венгерскую литературу с мировой литературой». Нечто подобное можно сказать и о П. А. Ойунском. Именно ему принадлежит честь включения якутской литературы в общемировой литературный поток. В его письме к М. К. Аммосову от 27 декабря 1917 г. содержатся такие знаменательные слова: «Якутская нация... выявит себя в истории только своей своеобразной литературой. Наша будущность в совершенном развитии этой поэзии... Наша история в том, чтобы свою литературу сделать общечеловеческим достоянием» [15].

Все эти обстоятельства дают основание поставить проблему «П. А. Ойунский и мировая литература». Подтверждением грандиозного размаха и общечеловеческой значимости творчества П. А. Ойунского служит признание ЮНЕСКО якутского олонхо «шедевром устного нематериального наследия человечества» («A Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity»).

Литература

1. Бурцев А. А. П. Ойунский и мировая литература // Полярная звезда. – 1993, № 2. – С. 154-159.
2. Бурцев А. А. Классики и современники: Вершинные явления и избранные лики якутской литературы. – Якутск: Сфера, 2013. – 446 с.
3. Ойуунускай П. А. Айымньылар. 7 томнаах. 7-с том. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1962. – 224 с. (на якутском яз.)

4. Гоголев А. И., Бурцев А. А. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии. – Якутск: Сфера, 2012. – 76 с.
5. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. – М.: Наука, 1968. – 235 с.
6. Ойуунускай П. А. Айымньылар. 7 томнаах. 5-с том. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1959. – 288 с. (на якутском яз.)
7. Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный / Пер. В. В. Державина. Изд. 2-е. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 432 с.
8. Бурцева М. А., Бурцев А. А. Шекспир и Ойунский. Связь времен и диалог культур. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 264 с.
9. Freytag G., MacEvan E. J. Freytag's Technique of the Drama: an exposition of dramatic composition and art. – Charleston, SC: Bibliobazaar, 2009. – 412 p. (на англ. яз.)
10. Шекспир У. Гамлет / Пер. М. Лозинского. – М.: Радуга, 1985. – 640 с.
11. Ойунский П. А. Красный шаман / Пер. Е. Сидорова. (Неопубликованная рукопись).
12. Ойунский П. А. Кудангса Великий. Александр Македонский / Пер. А. А. Борисовой. – Якутск: Бичик, 2002. – 160 с.
13. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л.: Худ. лит-ра, 1940. – 506 с.
14. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – 424 с.
15. Ойунский П. Духовная мощь нашей будущности / Публ. В. Гуляева // Советы Якутии. – 1993, 13 апреля. – С. 3.

References

1. Burtsev A. A. P. *Oyunsky i mirovaia literature* [P. A. Oyunsky and World Literature]. In: *Polyarnaia Zvezda* [Polar Star]. 1993, No. 2, pp. 154-159.
2. Burtsev A. A. *Klassiki i sovremenniki: Vershinnye yavleniya i izbrannye liki yakutskoi literatury* [Classics and Contemporaries: Vertex Phenomena and Selected Faces of Yakut Literature]. Yakutsk, Sfera, 2013, 446 p.
3. Oyuunuskai P. A. *Ajymnylar. 7 tomnaah. 7-s tom* [Writings. In 7 vol. Vol. 7]. Yakutsk, Kinige izd-ta, 1962, 224 p. (In Yakut lang.)
4. Gogolev A. I., Burtsev A. A. *Yakutskoe olokho v kontekste myfologii i epicheskoi poezii narodov Evrazii* [Yakut Olonkho in the Context of Eurasian Mythology and Epic Poetry]. Yakutsk, Sfera, 2012, 76 p.
5. Meletinsky E. M. "Edda" i rannie formy eposa ["Edda" and Early Forms of Epic]. Moscow, Nauka, 1968, 235 p.
6. Ojuunuskay P. A. *Ajymnylar. 7 tomnaah. 5-s tom* [Writings. In 7 vol. Vol. 5]. Yakutsk, Kinige izd-ta, 1962, 288 p.
7. Oyunsky P. A. *Nyrgun Bootur Stremitelny* [Nyrgun Bootur the Swift]. Per. V. Derjavina. Izd. 2-e. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1982, 432 p. (In Yakut lang.)
8. Burtseva M. A., Burtsev A. A. *Shekspir i Oyunsky: svyaz vremen i dialog kultur* [Shakespeare and Oyunsky: Connection of Times and Dialogue of Cultures]. Yakutsk, Izdatelsky dom SVFU, 2013, 264 p.
9. Freytag G., MacEvan E. J. Freytag's Technique of the Drama: an exposition of dramatic composition and art. Charleston, SC, Bibliobazaar, 2009, 412 p. (In Eng. lang.)
10. Shekspir U. *Gamlet* [Hamlet]. Per. M. Lozinskogo. Moscow, Raduga, 1985, 640 p.
11. Oyunsky P. A. *Krasny Shaman* [Red Shaman]. Per. E. Sidorova. (Unpublished manuscript)
12. Oyunsky P. A. *Kudangsa Velikij. Alexandr Makedonskij* [The Great Kudangsa. Alexander Makedonsky]. Per. A. Borisovoy. Yakutsk, Bichik, 2002, 160 p.
13. Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Hud. lit-ra, 1940, 506 p.
14. Jirmunsky V. M. *Bayron i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad, Nauka, 1978, 424 p.
15. Oyunsky P. A. *Dukhovnaya moshc nashey budushchnosti* [Spiritual Power of Our Future]. Publ. V. Gulyaeva. In: *Sovety Yakutii* [Soviets of Yakutia]. 1993, April 13, p. 3.